

ЧЕЛОВЕК И ТЕХНИКА В ПОСТСИНГУЛЯРНОМ МИРЕ¹

Нестеров А. Ю.

Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева, д.ф.н., доцент, заведующий
кафедрой философии и истории

В статье рассматривается проблема человека в свете рецептивного и проективного семиозиса, соотношение немыслимого и невозможного в условиях естественной, искусственной и «третьей» природы. Под рецептивным семиозисом понимается ситуация познания, определённого в терминах репрезентационизма или интериоризации сущего, под проективным – конструктивистски определённое познание, художественное выражение и техника. Немыслимое и невозможное иллюстрируются ситуациями сингулярного и постсингулярного мира, изображёнными современной научной фантастикой.

Ключевые слова: немыслимое, невозможное, научная фантастика, техника, человек, третья природа.

Проблема человека. Понимание и выражение

Любого рода вопрос, возникающий в сфере культуры, в той или иной перспективе связан с фундамен-

¹ Работа выполнена при поддержке Совета по грантам Президента Российской Федерации, проект МД-6200.2016.6 «Семиотические основания техники и технического сознания».

тальной проблемой человека. Никто из людей не знает ответа на вопрос, кто он, не обладает возможностью посмотреть на самого себя «снаружи», без опосредования структурами собственного сознания. Момент осознания этого фундаментального незнания является моментом рождения человека как духовного существа на фоне его животной, природной данности. Это верно как для исторического взгляда, пытающегося диахронно охватить развитие человечества на Земле с первых дней, так и для современного взгляда, занятого синхронным анализом формирования человеческой личности, процедур взросления и просвещения отдельного индивида.

Попад в проблемную ситуацию знания о незнании, человек оказывается вынужден к построению рефлексивной модели, позволяющей ответить на вопросы «кто я?», «куда я иду?», «что я здесь делаю?», «как мне поступать?» и т.п.. Рефлексивная картина мира, в отличие от прямо воспринимаемой и прямо фиксируемой рассудком, основана на объективной, выходящей за пределы возможностей отдельного человека памяти и содержит категориальные схемы, включающие те или иные каузальные и телеологические модели. Такого рода модели немецкие философы XIX в. стали называть мировоззрением. Человек существует как биологическое и как духовное существо: в первом случае его восприятие и рассудок подчинены общим биологическим схемам, которые никто из нас не осознаёт в полной мере, подобно тому, как отдель-

ные скворцы или рыбы не осознают формируемые их стаями и косяками геометрические формы удивительной красоты и сложности; во втором случае восприятие и рассудок человека оказываются опытом осознанной рефлексии, сохранённой в коллективной памяти человечества или отдельного народа, – мировоззрением и историей. Напряжение самопознания, характеризующее человека как такового, всегда определено несовпадением его объективной природной данности и объективных рефлексивных структур мировоззрения, в которое он оказывается погружен с момента рождения.

Механизмы формирования проблемной ситуации, приводящей к становлению человека человеком, определены языком и деятельностью (техникой). Это два основополагающих инструмента, которые всякий человек обнаруживает в виде готовых схем в момент своего рождения. В XX в., например, экзистенциалисты построили рассуждение о человеке на том, что он, рождаясь, попадает в мир готовых форм языка, которые он как социальное существо обязан наполнить некоторым собственным содержанием. Как возникает проблемная ситуация, создающая человека, требующая обращения к коллективному опыту и вынуждающая принимать ту или иную мировоззренческую модель? Она по-разному создаётся языком и деятельностью (техникой), соответственно, мы имеем дело с разными типами проблем и тем самым – с от-

личающимися друг от друга способами задания проблемной ситуации.

С одной стороны, естественный язык, изучаемый с рождения, подразумевает в качестве значений не только отсылки к непосредственному опыту наблюдения, эмоционального переживания и рассудочного логического анализа, но и т.н. «произвольную метафизику». Этот факт был вскрыт и разобран Венским кружком. Язык вводит в нас заблуждение, заставляя полагать существующим то, чего на самом деле нет. Язык за счёт собственных внутриязыковых перекодировок создаёт для каждого человека пространство вымысла или пространства проекции, фактически вынуждая создавать в фантазии то, чего нет ни в опыте восприятия, ни в опыте эмоционального переживания, ни в логическом анализе. Проблемная ситуация, создаваемая языком, заключается в том, что в нём есть слова, предложения и тексты, а прямого значения этих единиц найти невозможно: человек вынуждается к рефлексии, к поиску коллективного исторического опыта, к перегруппировке собственного опыта, который позволил бы говорить осмысленно. Такого рода проблема показывает проективные возможности человеческого сознания, а именно способность в рефлексии находить или создавать новые образы, новые логические схемы и, в конечном счёте, новые объекты наблюдения под воздействием языка. Это в целом проблема понимания в истории европейской герменевтики.

С другой стороны, деятельность человека, к которой он оказывается вынужден с рождения, создаёт проблемы иного рода, связанные с познанием реальности. У человека, не являющегося животным, хотя бы в силу процедур социализации, через которые он прошёл в раннем детстве, огромное количество потребностей, желаний, мечтаний, нужд, забот и т.п. Их удовлетворение обеспечивается деятельностью, в которой цель сталкивается с возможностями и ресурсами и никогда сама собой не превращается в желаемый результат. Здесь возникает напряжение между желанием и действительностью, между должным и сущим, выражающееся в нарушении ожиданий, в препятствиях, разочарованиях и неудачах. Оказывается, что действительный, воспринимаемый органами чувств мир не управляется желанием как таковым или фантазией как таковой, что у него есть правила и законы, которыми невозможно пренебречь. Сумма таких, обнаруженных посредством нарушения ожидания правил оказывается реальностью. Проблемная ситуация, формируемая деятельностью, заключается в том, что в чувственном восприятии, в логическом анализе и даже в эмоциональном переживании появляется новое: то, что неизвестно, то, что отсутствует в индивидуальном опыте действующего субъекта. Соответственно, для фиксации и анализа нового необходим язык, необходима коллективная память, необходимы история и мировоззрение. Такого рода проблемная

ситуация в истории европейской философии является проблемой выражения.

Язык содержит слова и предложения с неизвестным значением, деятельность показывает новое (объекты, процессы и состояния), для которого необходимо находить слова, – это два источника формирования человеческого в человеке, развития человека, эволюции человеческого вида. Два типа напряжений задают этот процесс: напряжение между прямым, биологически заданным познанием и моделью рефлексии, содержащей опыт поколений (несовпадение биологической и исторической объективности), и напряжение между целью и действительностью, желаемым и фактическим результатом (несовпадение субъективного и объективного в реальности биологии и истории). Соответственно, человек в становлении человеком решает фундаментальные проблемы понимания и выражения, в первом случае прикладывая усилия, чтобы найти значение элемента той или иной знаковой системы, а во втором случае – чтобы найти способ обозначить то новое, что обнаруживается в деятельности. И в том, и в другом случае речь идёт о расширении границ тех систем, что приводятся к взаимодействию пониманием и выражением, о расширении границ этого взаимодействия. Работу индивидуального и коллективного субъекта над границами языка и деятельности можно зафиксировать как «управление», как способность воздействия субъекта на объект с заданными целями.

От первой природы к третьей природе. Управление и развитие

Развитие человека (эволюция человечества как вида), осуществляющееся через расширение границ языка и деятельности, определяется трансформацией рецептивных и проективных процедур в их оппозиции к естественной природе или естественному окружению человека. В рамках определённого рода идеализации под рецепцией понимается решение субъектом проблемы понимания эпистемологически, герменевтическими и т.п. средствами, а под проекцией – решение проблемы выражения посредством фантазии и вымысла, художественной деятельности и техники. Структура субъекта понимается в трансцендентальном смысле, через набор синтаксических, прагматических и семантических правил, определяющих инстанции чувственного восприятия, рассудка и разума в рецептивном и проективном планах; структура объекта понимается как набор значений, сформированных семантическим правилом на уровне чувственного восприятия. Управление понимается как такое воздействие субъекта на объект, в котором целевая причина задаёт конкретный механизм или алгоритм взаимодействия синтаксических правил двух и более слоёв семиозиса в человеческом сознании (как правило, это рассудок и восприятие), формирующий новые значения (как правило, либо в структу-

рах языка, фиксируемых рассудком, либо в физическом мире, фиксируемом восприятием).

Развитие человека обобщённо может быть представлено как усложнение процедур управления. Концептуально это усложнение осуществляется в эволюции оппозиции «природа – культура» к оппозициям «вторая природа – культура» и «третья природа – культура». В традиционно изображаемом разными источниками архаическом мышлении культура подразумевает некоторого рода навык выживания в условиях естественной внешней среды. Если для животных такого рода навык задан биологически, природно, то у человека он формируется рефлексивно, неприродно, под воздействием исторической памяти и мировоззрения. Человек, в отличие от животного мира, использует культуру не для эволюции в смысле Дарвина, а для создания искусственной среды, позволяющей снять риски естественного мира. Таким образом, появляется вторая природа. Соответственно, на втором шаге культура в виде рефлексии, истории и мировоззрения возникает как навык выживания уже в условиях второй природы, закономерным образом приводя к созданию третьей природы, а затем и четвертой. Проблемы, с которыми сталкивается человек в этом развитии, хорошо задокументированы в спорах сторонников и противников прогресса и просвещения последних двух веков [19].

Определение культуры как неприродных, то есть не вытекающих из необходимости удовлетворения

естественных биологических потребностей человека навыков, составляющих сущность человека, выражающих его дух или сознание, возникает в условиях второй природы, в условиях, когда человек в достаточной мере овладел навыками управления материальным миром, чтобы противопоставить себя окружающей действительности. Иными словами, человек отделяет себя от природы в осознаваемой и теоретически хорошо оформленной рефлексии тогда, когда научается создавать искусственные объекты, воздействуя на материю, составляющую некоторый класс чувственно воспринимаемых объектов. Обнаруживая некоторый набор правил, который нельзя изменить, человек его извлекает с помощью рассудка и разума и применяет, открывая для себя области языкового выражения, поэтического вымысла, с одной стороны, и технического действия, техносферы – с другой.

В условиях первой, или архаической природы человек ничем не управляет, представляя собой воспринимающее и действующее на основании каких-то внесубъектных объективных механизмов существо: здесь пока еще отсутствует проблема соотношения возможного и действительного, определяющая систему субъекта в условиях второй и третьей природы. Точнее было бы сказать, что соотношение возможного и действительного здесь носит пока ещё взаимно-однозначный характер: для каждой задачи управления есть одно решение, и именно оно должно быть принято, поскольку никакого «я» еще нет (пример по

В. Сёркину: лодку строю не я, лодка строится сама моими усилиями [21]). Для второй природы определяющим становится знание правил, законов и принципов, раскрывающее веер возможностей на фоне как действительного, так и желаемого: некоторое, основанное на знании и памяти множество возможных решений приводится в соответствие с наличными ресурсами и стоящими задачами. В условиях второй природы рождается собственно техническое действие в качестве системы управления искусственными объектами.

Третья природа возникает тогда, когда (в терминах Гегелевой диалектики) вторая природа и навыки, возникшие в виде антиприродного человеческого противопоставления второй природе, приходят к синтезу и устанавливаются в виде нового тезиса. Подобная маловразумительная метафизическая конструкция обретает значение, когда рассматривается в рамках развития человечества, эволюции человеческого вида на фоне эволюции природы. Концепция второй природы обусловлена навыком создания искусственных объектов. Но что такое искусственный или технический объект на этом первом шаге? Это новый объект чувственного восприятия, для которого естественными остаются структуры рассудка и разума. Законы природы, структуры мышления (в виде синтаксиса естественных языков и математики), формы рефлексии являются здесь сугубо естественными, и именно расширение знания о естественном создаёт

поле возможностей для создания нового, искусственного в области действительного, то есть эмпирически данного, воспринимаемого, фиксируемого органами чувств, мира объектов или физического мира. Для формирования третьей природы сфера искусственного должна была расшириться с наблюдаемых объектов до структур мышления, соответственно, область нового здесь включает в себя не только возможные технические расширения наблюдаемого мира объектов, но и технические расширения ненаблюдаемого мира структур мышления.

Условие развития. Немыслимое и невозможное

Проблемы понимания и выражения, задающие человеческий контекст на фоне природы, их переплетение в комплексных решениях проблем управления в процессе развития от первой к третьей природе во многом определяются предельными границами языка и деятельности. Как определить уровень развития отдельного человека или надчеловеческого субъекта (народа, общества и т.п.)? В психологическом смысле в качестве базиса для ответа можно использовать принцип удовольствия, понятый в качестве сугубо человеческой способности откладывать удовлетворение тех или иных телесных потребностей, то есть рационально планировать и конструировать ту или иную деятельность в соответствии с целью и последовательно её осуществлять [20]. В философском

смысле этого мало, уровень развития субъекта подразумевает конкретные механизмы использования языка и деятельности на фоне способа целеполагания. Субъекты первой, второй и третьей природы различаются сложностью языка и деятельности, сложностью целей и процедур управления, а саму эту сложность легко извлечь из того, что для того или иного субъекта остаётся невысказанным, из того, как он понимает корреляцию между невысказанным и невозможным.

«Невысказанное» – это термин рефлексии, фиксирующий предельные границы рефлексии. Мыслимыми являются те или иные абберации чувственного восприятия (например, фантастические существа, объекты или способности в беллетристике), мыслимыми являются нарушения рассудочных структур (логики, грамматики, в целом те или иные соотношения рассудка и восприятия), однако нарушение структуры рефлексии (с позиции любого семиотического правила) являются невысказанными. Рефлексия, фиксируя некоторое наличное положение дел в восприятии (действительное) и способы его трансформации рассудком (возможное), сама по себе, то есть в смысле оппозиции действительного и возможного, природного и исторического, остаётся неизменной. Тезисы элейской школы о невысказанности небытия, о боге как о «едином», развёрнутые Античностью в виде онтологической и логической системы, реалистская концепция бога Ансельма как того, «выше чего ничто не

может быть помыслено», фигуры «доброго бога» Д. Беркли, «предустановленной гармонии» Г. Лейбница, «природы» и «материи» в новейшей истории показывают не только тот очевидный факт, что мыслимое нуждается в неммыслимом в качестве фона и условия возможности, но и то, что неммыслимое фиксируется через порядок рефлексии: могут нарушаться причинно-следственные связи, ход времени и развёртывание пространства, неизменной остаётся лишь метафора онтологического или герменевтического круга, описывающего и структурирующего иерархию многого и единого. Именно эта метафора является основанием для утверждения о самоидентичности человеческого субъекта в истории, то есть для тех случаев, когда исследователь задаётся вопросом о том, каковы основания для трансляции исторического предания, что делает возможным понимание древних текстов. Немыслим, следовательно, иной порядок рефлексии, нежели тот, что культивируется человеком от индуизма до современного трансгуманизма, неммыслимое – это предел понимания.

Неизменность рефлексии, выраженная в метафоре круга, позволяет понять развитие как разотождествление неммыслимости и невозможности. Рост самосознания заключается в обнаружении самостоятельности и независимости от структуры рефлексии как таковой правил физического мира, логики и грамматики, фиксируемых восприятием и рассудком. Если античные, средневековые и новоевропейские мыслители

ли вплоть до Х. Вольфа отождествляли мыслимое и реальное (соответственно, немислимое оказывалось нереальным, невозможным), так что структура рефлексии совпадала со структурой универсума (очевидно, последним мыслителем, всерьёз отождествлявшим логику и онтологию, был Гегель), то в философии с конца XVIII в., а в науке и технике – после Ф. Бэкона, Г. Галилея, Р. Декарта, И. Ньютона и др. мыслимое оказывается способом учёта реального (немислимое, соответственно, не совпадает с невозможным, структура рефлексии описывает человеческое «сознание», но не универсум как таковой). Если система категорий Аристотеля описывает набор предельных понятий, фиксирующих границы любого возможного мира, то система категорий И. Канта описывает уже только набор трансцендентальных форм рассудка в их границах, грамматические же категории языка, приходящие в «новой логике» Венского кружка на смену универсальным логическим формам, описывают лишь границы применения некоторого конкретного алфавита в рамках заданных синтаксических правил, не претендуя ни на фиксацию полной картины человеческого рассудка, ни тем более – на фиксацию универсума; аналогичные процессы развития в языкознании и литературоведении XX в. показывают зависимость как логического анализа, так и способов выражения рефлексии от форм языка (гипотеза Сепира-Уорфа). Невозможное – это, в отличие от немислимого, предел деятельности. Несовпа-

деление пределов понимания и пределов деятельности представимо в виде вполне конкретной эпистемологической схемы для любого рода вопроса: всякий вопрос или конкретная проблема возникают и решаются как 1) нечто мыслимое и одновременно возможное, 2) нечто мыслимое, но невозможное, 3) нечто немыслимое, но возможное, 4) нечто немыслимое и одновременно невозможное. Такого рода схема описывает соотношение рецепции в целом как совокупности процедур познания и понимания с проекцией как совокупностью процедур деятельности. По ней можно проанализировать любого рода «природу», на фоне которой выстраивается культура как человеческое в человеке.

В условиях первой природы проблема соотношения немыслимого и невозможного не возникает, при переходе от первой ко второй природе возникает проблема разотождествления немыслимого и невозможного: в качестве самостоятельных сред возникает литературное (в целом художественное) и техническое творчество, в котором разыгрываются проблемные ситуации мыслимого, но невозможного и немыслимого, но возможного на фоне анализа предельных условий этих ситуаций. Литература и техника закрепляют собственно человеческую, вторую среду на фоне естественной природы. Деантропоморфизация физического мира, тематизация «любви» и «смерти», открытие объективности, неподконтрольности индивидуальному субъекту процессов, происходящих в

его теле и сознании, вкупе с достигнутым за счёт техники расширением управления, способности к созданию искусственных объектов и предметов не только в физическом мире, но и структуре рассудочных форм – эти результаты последних полутора веков подводят к наиболее существенному вопросу современности: как именно происходит переход к третьей природе? Как немислимое, становясь предметом размышления для большого числа людей, изменяет среду обитания всего человечества? Почему «невозможное» на пороге третьей природы оказывается каталогизировано и учтено, а немислимое представляется в виде «технологической сингулярности» сродни концу света?

Роль научной фантастики

Развитие человека, рост самосознания, управления собой и природой фактически выражается в сдвиге немислимого и трансформации представлений о невозможном в этом сдвиге. Можно и сейчас наблюдать довольно большое количество людей, для которых немислимое тождественно границам знания-знакомства, определённого чувственным восприятием, или же структурам логики и грамматики, выявленным логическим анализом. Если философы на протяжении известной истории человечества связывают немислимое с границей рефлексии и способа осуществления герменевтического круга, то для большинства немислимость еще только должна быть

отодвинута до этих пределов. Во многом эту задачу философского просвещения выполняет литература, а именно научная фантастика.

Сама по себе художественная литература является особым случаем проективного семиозиса, осуществляющимся как выражение фантазии в субстрате естественного языка. В отличие от прочих способов употребления языка беллетристика различными способами маркирует собственную вымышленность, подчёркивает на семантическом, синтаксическом и прагматическом уровнях тот факт, что она выражает и конструирует вымысел. В эпистемологическом смысле маркирование вымышленности означает, что художественный текст обладает более сложной структурой, нежели нехудожественный: второму достаточно либо вне рефлексии показать то или иное положение дел в чувственном восприятии, либо в рефлексии – те или иные истинностные или ложностные способы учёта и конструирования элементов человеческой деятельности; первому же необходимо на фоне материала второго показать работу воображения, выразить её в самоотображении, игре языка. Именно беллетристика приучает человека к анализу немыслимого, демонстрируя его семантически, в виде не встречающихся по определению в чувственном восприятии образов, синтаксически, создавая в качестве условия собственной возможности формы логического парадокса, и прагматически, проблематизируя в акте чтения правила распознавания текста как художествен-

ного или нехудожественного. Именно в беллетристике в основном формулируются и обсуждаются способы задания пределов понимания и выражения, формирующие человека.

Рождение художественной литературы как среды, в которой обсуждаются пределы понимания и выражения, маркирует переход от существования в условиях первой, естественной природы ко второй, искусственной природе. Во второй половине XX века художественные формы, очевидно, исчерпали потенциал средств собственно языкового выражения: литература, предметом изображения которой является рефлексия над литературой и литературной критикой, язык изображения как протагонист художественного текста, предисловия и рецензии к несуществующим произведениям, перекодировка прагматических правил чтения художественных текстов таким образом, что хитпарады на определённую дату или списки составов футбольных команд в тех или иных играх оказываются художественными текстами [24], – всё это говорит о том, что границы невыразимого средствами беллетристики обнаружены и зафиксированы, что немислимое рефлексии, как оно в принципе может быть показано литературной формой, уже показано. Однако в плане содержания, в сфере не выражения как такового, но изображения сложно организованного вымысла, рефлексивно отображающего те или иные рассудочные или даже чувственные структуры, те или иные порядки рефлексии, беллетристика – за

счёт фикционального языка – остаётся мощнейшей средой коммуникации, демонстрирующей всё новые и новые возможности постановки проблем рецепции и проекции.

С середины XX века западный мир в той или иной степени осознаёт переход от состояния второй природы к состоянию третьей природы, выстраивает еще один слой культуры поверх созданной за почти три тысячелетия искусственной среды обитания. Как это отображается в литературе? Переход от второй к третьей природе – это очевидный массовому сознанию сдвиг представлений о невозможном относительно немислимого. Такого рода переход подразумевает изображение ситуаций, в которых мыслится немислимое, так, чтобы на этом фоне становился очевидным сдвиг представлений о невозможном. В фантастической литературе такого рода сдвиги показывают фентезийные и научно-фантастические модели: если первые находят поддержку в архаикомифологическом мировоззрении, то вторые, как правило, развёртываются в рамках научного и инженерно-технологического мировоззрения. Безотносительно к литературному мастерству того или иного автора следует понимать, что научная фантастика подразумевает не только более сложную структуру изображённого мира, но и сугубо рациональный характер соотношений немислимого и невозможного, поэтому именно научная фантастика на сегодняшний момент является средой обсуждения механизмов перехода к

третьей природе, его последствий и состояния человека в процессе этого перехода и после него.

Тем и сюжетов, в рамках которых научная фантастика ставит вопрос о третьей природе, очень много. Магистральной представляется всё же тема о соотношении человека и техники. Человек берётся в качестве способа соединения четырёх и более миров (восприятия, рассудка, разума, техники и более), живой силы, способной за счёт рефлексии развить и преодолеть свою биологическую природу, сохранить структуру рефлексии в условиях замены своего субстрата, то есть преодолеть границы смерти путём переноса сознания на другой, небиологический, носитель. Техника рассматривается, как правило, в виде набора построенных человеком или нечеловеческими субъектами объектов, в виде среды, обладающей не только собственной силой и объективным порядком организации, но и некоторого рода «субъектностью» в отношении человека.

В условиях второй природы человек обнаружил в технике «другого субъекта». Действительно, у человечества как субъекта коммуникации нет иного собеседника, кроме самого человечества [18], отсюда одушевление и персонификация природных объектов, процессов в архаическом мировоззрении, отсюда модели автокоммуникации в монотеистических религиях, размыкающие круг автореференции фигурой бога, к которому можно обратиться тем или иным способом и получить ответ, отсюда концепция измеритель-

ного эксперимента как способа построения диалога с природой в научном мировоззрении. Ни один из перечисленных способов употребления языка не является коммуникацией или диалогом в нормальном смысле слова, в смысле передачи значений от одного субъекта к другому, соответственно в инженерно-техническом мировоззрении возникает и обсуждается концепция «искусственного интеллекта» или искусственного автономного разума как такового технического устройства, которое могло бы разомкнуть бесконечный круг автокоммуникации человечества. И подобно тому, как архаические антропоморфные силы природы, монотеистический бог или природа были «другими» субъектами, на фоне которых человек выстраивал системы самопонимания, автономный технический разум становится предметом изображения, на фоне которого человек в научной фантастике заново осознаёт границы своих человеческих состояний, возможностей мыслить и действовать. Вторая природа как среда культуры завершается тогда, когда человек научается технически воспроизводить функции рассудка, когда область искусственного расширяется со сферы чувственного восприятия на сферу логико-грамматических процессов рассудка, соответственно, само возникновение темы «искусственного автономного разума» в литературе и технике маркирует переход от второй к третьей природе. С точки зрения литературоведения разумно было бы говорить о том, что «научная фантастика» как жанр и направ-

ление литературы имеет место там, где вымысел и сюжетообразующий конфликт, в предшествовавших научной фантастике способах построения художественного текста показывавших человеческое на фоне и в диалоге с «божественным», в той или иной мере антропоморфным «природным», заменяют «богов» и персонификации процессов природы техническими артефактами, технической рациональностью, техническими средами в виде внечеловеческих субъектов коммуникативной деятельности.

Фантастика последних лет фиксирует переход к третьей природе как «технологическую сингулярность». Сам термин принадлежит фантасту Вернору Винджу [15] и показывает ситуацию, в которой человек во вселенной перестаёт быть флагом эволюционных процессов, венцом творения и т.п., уступая это место машине, автономному искусственному разуму, чем бы он ни был де факто. Иными словами, «технологическая сингулярность» наступает тогда, когда человек передаёт свои рассудочные функции созданной им машине и оказывается не в состоянии этой машиной управлять: у неё возникают собственное целеполагание, собственный круг рефлексии, собственные пределы рецепции и проекции, выраженные в уже не доступных человеку лимитах немислимого и невозможного. Такого рода изображённые в научной фантастике миры можно назвать постсингулярными мирами. В плане соотношения немислимого и невозможного сингулярность маркирует

осознание самостоятельности и объективности царства техники человечеством: подобно тому, как на фоне немыслимости была осознана независимость от рефлексии сначала законов физического мира, затем ментального и социального миров, а затем мира логики и грамматики, теперь оказалась осознана независимость мира технических сил, воплощённых человеком в технических артефактах и средах.

Стратегии постсингулярности

Постсингулярный мир – это такая изображённая в научной фантастике действительность, где человек обретает «другого» – собеседника, врага, помощника, бога и т.п. – в виде технического артефакта. Мир техники или техносфера за пределами научной фантастики – это довольно узкая область проективного семиозиса, в которой формы нефикционального языка, рассудочных структур логики и грамматики оказываются воплощены в субстрате физической действительности, подчинённой законам природы и доступной чувственному восприятию. Техника – это, в первую очередь, изобретённый, разработанный и сделанный человеком артефакт, искусственный объект, обладающий собственной, присущей только ему силой. Что это значит, что техника обретает в виде техносферы самостоятельность, демонстрирует такой способ бытия, который не зависит ни от изобретателя, ни от изготовителя технического объекта? Как мате-

риально выраженная рефлексия человека, продуктом которой является технический объект, оказывается проводником «новой мировой силы» в виде техники? Ответы на эти вопросы коренятся в отрицании природного порядка вещей, осуществляемом техникой. «Сила» технического объекта заключается в его структуре, в порядке расположения его элементов; наложение структуры технического объекта на порядок осуществления естественного создаёт нарушения или возмущения этого естественного порядка, сумма этих нарушений изменяет среду жизни человека. Такого рода накопление нарушений и есть то, что было описано в виде формирования второй природы, а затем и третьей. Поскольку естественный порядок вещей (общая сумма правил естественного мира во всех его субстратах) не создавался человеком и как таковой не может быть познан человеком, человек не в состоянии управлять и той суммой нарушений, взятой в себе, которую в естественный порядок привносят технические артефакты, – именно это мы имеем в виду, утверждая вслед за Ф. Дессауэром [22] самостоятельность мира техники. Порядок самих технических объектов и порядок осуществления технических сред был только открыт и воссоздан человеком в той мере, в какой некоторое количество правил физического мира оказалось применимо для удовлетворения технических нужд. Однако этот порядок не сотворён человеком, следовательно, человек своей технической деятельностью, в изобретении, разработке и изготов-

лении лишь приводит во взаимодействие с физическим, ментальным, рассудочным, эстетическим и иными доступными ему порядками новые структуры, фиксируемые как «технические». Человек в онтологическом смысле оказывается посредником в техносфере ровно так же, как он является посредником (или формой взаимодействия) между физическим, ментальным, рассудочным и иными мирами.

В ситуации третьей природы, определяемой фигурой автономного искусственного разума, техника предстаёт в виде субъекта, способного к управлению, то есть принимающего и выполняющего некоторые решения. Технический субъект, таким образом, оказывается способен к некоторой рефлексии и к некоторому проективному семиозису. В нефикциональной действительности такого рода управление в марте 2016 года перешло в состояние технической сингулярности, когда чемпион мира по игре «Го» проиграл компьютерной программе: наступление сингулярности характеризуется невозпроизводимостью человеческим рассудком тех логических ходов, которые были совершены программой ради победы. Видимо, с развитием этого типа технологий следует ожидать расширения сферы технологической сингулярности в действительном мире.

Научная фантастика, изображающая постсингулярный мир, рисует гипотетическое будущее человечества, определенное ростом переданного техническим субъектам управления и новой постановкой

проблемы человеческого в человеке. В целом в этой теме можно выделить две обобщённых стратегии: 1) антиутопическую стратегию, в которой техника эволюционирует сама собой без участия человека, и её (повторная) встреча с человеком оборачивается драмой для обоих; 2) утопическую стратегию нового синтеза, в которой человек осуществляет в себе человеческое с учётом объективности и субъектности окружающей его техносферы. Варианты иронического будущего, в которых человек отказался от техники и вернулся к «естественному» состоянию, в научной фантастике если и встречаются, то выступают в качестве примеров отказа от собственной человеческой природы, от сложности, развития, ответственности и самостоятельности.

Примером осуществления первой стратегии являются классические тексты С. Лема «Непобедимый» и «Солярис» [7]. В «Непобедимом» техносреда, развившаяся без участия человека, оказывается не более чем простейшим микроорганизмом, нуждающимся в питании и полностью лишённым самосознания. В «Солярисе» океан в последних абзацах характеризуется в виде «ущербного бога», технически исполняющего сокровенные желания, но не способного ни преобразить человека, ни сделать его счастливым, ни вступить в осмысленную коммуникацию. Лем показывает тривиальность границы мыслимого и возможного: техника не переформатирует человеческое в человеке, не затрагивает механизм самосознания, но

лишь в своих крайних формах позволяет познающему субъекту сдвинуть границу невысказанного до уровня рефлексии, увидеть новые грани возможного, вариации невозможного на фоне неизменности невысказанного.

Утопическая стратегия представлена существенно шире: от саги о бессмертном Лазаре Р.А. Хайнлайна [13] или мира «Основания» А. Азимова [1] до версий истории будущего Р. Желязны [6], Д. Симмонса [9], В. Винджа [2], Ч. Стросса [10], П. Уоттса [11, 12], Р. Моргана [8] и других. Если Хайнлайна интересуют сдвиги в социальной организации, в формах общественного устройства и индивидуальных стратегиях поведения нового социума под влиянием развития техники, в том числе и технологий, обеспечивающих индивидуальное бессмертие личности, то Азимов ставит вопрос о кибернетическом преобразовании человека, изменении субстрата осуществления человеческого: в завершение саги об «Основании» читатель встречается со специфическими транс-людьми, способными за счёт особого развития головного мозга дистанционно управлять окружающими их роботами, и с древним лунным роботом, который, как выясняется, и является первоисточником не только «плана Шелдона», но и всей стратегии постсингулярного развития человечества, включая описанные в саге события. Симмонс и Виндж, как и десятки других авторов, рисуют сложный симбиоз человеческого мира и техносферы, обладающей собственными формами

рефлексии, включающими целеполагание и способность к действию; однако эволюция техномира практически не затрагивает человеческое в человеке, например, в экологическом будущем Н. Эшера [14] автономные искусственные разумы выполняют вычислительные задачи, которые человек выполнить не способен, действуя в качестве субъектов человеческого социума наравне с людьми.

Способность автономного технического разума быть субъектом сугубо человеческого социума описана в романе «Небо сингулярности» Ч. Стросса. Сингулярность показана как акт коммуникации систем с принципиально разной сложностью; для более простой системы она представлена как столкновение с чудом, как исполнение желаний (в чём-то аналогичный, но более сложный мир был нарисован в тетралогии «Wear» Р. Рюкером), а для более сложной – как последовательное осуществление алгоритмов сбора информации, защиты от внешнего воздействия и т.п. Такого рода наступающая снаружи сингулярность – это метафора распространённого конспирологического способа построения рассуждения: когда она используется в нефантастической по авторскому определению литературе [25], речь идёт о категориальной ошибке, обусловленной распространением категорий, описывающих жизненный мир человека, на те мыслимые области, к которым понятия типа «причина», «следствие», «время» и т.п. неприменимы. В фантастической же литературе посредством категориаль-

ной ошибки показывается судьба человека, получившего неожиданный доступ к возможностям, не вытекающим из его опыта восприятия, анализа, рефлексии, действия: это форма эпической иронии, реализованная в терминах технологической сингулярности.

Существенно больший интерес вызывают тексты, в которых синтез человеческого и технического фиксируется трансгуманистически, в виде технологических трансформаций человеческого тела, переноса сознания на альтернативный носитель, обеспечения кибернетического бессмертия личности. Сложность такого рода сингулярного мира вполне отчётливо показана Р. Желязны в «Князе Света», в качестве талантливой эпитафии можно назвать Р. Моргана с серией текстов, начатой «Видоизменённым углеродом». Вопросы о самоидентичности человека, о структуре собственно человеческого в человеке, о его памяти оказываются полностью вынесены за пределы его биологической данности и представлены в виде некоторого рода компьютерных программ, способных реализоваться в любом субстрате. Аналогичные ходы появляются в трилогии «Муравейника» у раннего У. Гибсона [4] в виде личностей, сохранённых в кибернетической памяти, в тех или иных артефактах.

Авторы классического киберпанка создают текст на границах мыслимого как условия возможности рефлексии, например, немислимое как граница изображения и изображённого постоянно возвращается в текстах У. Гибсона путём переосмысления канониче-

ских сюжетов: расширение «матрицы» неизбежно приводит её к обнаружению другой «матрицы», к взаимодействию с иной, созданной не людьми «матрицей», и этот диалог синтезирует новые объекты собственно человеческого мира; автором артефактов, поиском которого заняты персонажи романа, оказывается робот на орбите Земли; таинственный китайский сервер, обеспечивающий доступ к прошлому, оказывается способом осмыслить и перестроить личные аспекты жизни «средних» людей в ответвлениях подлинной действительности. Важно, что киберпанк и в целом научная фантастика, строящаяся через конфликт и взаимодействие человека с автономным искусственным интеллектом, исследуют действительные границы мыслимого, но не предлагают выхода за их пределы. Человек остаётся человеком, созданным исторической памятью и мировоззрением, пусть и разъединённым со своей биологической природой.

Утопическая стратегия нового синтеза человека и техники в научной фантастике демонстрирует сдвиг немислимого до границы рефлексии, до тех условий, которые обеспечивают возможность доступа к мирам восприятия, эмоций, рассудка, разума и техники, соединения миров в человеке, индивидуальной памяти и практического действия. Если антиутопия демонстрирует сдвиг представлений о невозможном, то утопия – сдвиг границы немислимого. Однако у научной фантастики, апеллирующей к искусственному автономному разуму, есть как минимум две аль-

тернативы, претендующие на иное выражение вопроса о сингулярности и уже не вписывающиеся сами по себе в стратегии изображения фикционального взаимодействия человека и машины. С одной стороны, биологическую природу человеческой самоидентичности показывает Питер Уоттс («Ложная слепота», «Эхопраксия»), сталкивая её с нечеловеческим способом построения биологической данности субъекта. С другой стороны, границы человеческой рефлексии проблематизировал Филипп Дик [3], наглядно продемонстрировавший такие сдвиги восприятия и логического анализа, которые являются невообразимыми в подлинном смысле слова. Эти два автора по-разному проблематизируют границу мыслимого, располагая вымысел как таковой непосредственно в области условия возможности рефлексии, в самой процедуре самопознания как соединения миров.

Выход за пределы рефлексии вне фантастики – это отказ от идеи «добротого бога» Д. Беркли или «предустановленной гармонии» Г. Лейбница, нарушение согласования в способе взаимодействия физического, ментального, рассудочного, разумного, эстетического и технического миров на уровне навыка. Если отдельные нарушения ожиданий в осуществлении того или иного мира на фоне самотождественной рефлексии позволяли и позволяют сдвигать границы возможного, то есть располагаются в целом в рамках проблем понимания и выражения (немыслимое и невозможное, мыслимое и невозможное, немыслимое,

но возможное, мыслимое и возможное), то нарушение структуры рефлексии изменяет само ожидание: человек погружается в эпистемологически допроблемную ситуацию (незнание о незнании) и тем самым – в хаос, если смотреть на эту ситуацию рационально. Понятно, что о ситуациях такого рода можно сформулировать нечто осмысленное лишь как об изображённом в фантастическом тексте мире, снаружи, опираясь на традиционные формы осуществления человеческого и историю. В этом смысле фантастические миры Дика и Уоттса еще предстоит внимательно изучить как фикциональные языковые модели, порождённые научным и инженерно-техническим мировоззрением, на фоне аналогичных им фикциональных продуктов религиозных и архаико-мифологических форм.

Заключение

Историческое и концептуальное развёртывание человеческого в человеке подразумевает эмансипацию в познании миров и сред, в которых участвует человек, последовательный отказ от отождествления «себя» с восприятием, эмоциями, логикой или техникой. Техническое развитие от первой природы к третьей показывает, что человеческое заключается в освоении правил соединения самостоятельно существующих миров: человек лишь приводит их к взаимодействию, не создаёт и не разрушает. Рост самосо-

знания обусловлен открытием объективности сначала природы как мира физических законов, затем логики и грамматики как мира автономных логических и грамматических правил, ментальной сферы, порождающей субъективные образы и эмоции, наконец, мира техники или техносферы как бесконечного набора предустановленных форм решений и действий. Человеческое определяется способностью распознавать синтаксические, семантические и прагматические правила этих миров и приводить их во взаимодействие друг с другом. Рецептивное и проективное взаимодействие миров посредством человека, расширение области этого взаимодействия – и есть человеческое в человеке, то, что создаёт историю и культуру.

Проективное взаимодействие миров в человеке осуществляется фантазией как таковой, языком и техникой. О фантазии или вымысле нельзя сказать ничего, не воплощая её в языке или технике. Язык как объективный посредник между воображением и восприятием употребляется либо прямо, нехудожественно, с целью зафиксировать или изменить то или иное положение вещей, либо фикционально, художественно. Беллетристика, включая научную фантастику, – это особый, художественный способ употребления языка в проективном семиозисе, позволяющий за счёт отказа от корреспондентской истинности промоделировать возможности рефлексии, исследовать и соотнести любые ресурсы человеческой памяти. В отли-

чие от языка, который вполне успешно употребляется как истинный, ложный, фикциональный или бессмысленный, артефакты техносферы могут либо работать, либо не работать, в этом смысле диапазон применения техники существенно скромнее: технически успешно в физическом мире могут быть воплощены только истинностные формы языка.

Посредством языка и техники в последние полвека перехода от второй к третьей природе до массового сознания было доведено представление о неммыслимом как о границе рефлексии, представление о невозможном фактически сдвинуто до границы мыслимого как такового. Отдельные усилия таких авторов, как М. Каку [17], Р. Курцвейл [23], Д. Ицков [16] и др., направленные на каталогизацию невозможного с позиций законов физического мира, на прогноз развития технологий кибернетического бессмертия, создания нового рынка аватар-технологий, во многом выполняют задачи научной фантастики, раздвигая горизонты обывательского мышления, в том числе и в научных сообществах. Третья природа, изображённая в научной фантастике, занятой постсингулярным будущим, показывает человека в рамках стандартной, по сути монотеистической схемы рефлексии, однако технологии, приводимые к реальности третьей природой, выходят за пределы возможностей научной фантастики и в целом фикционального языка: игра языка создаётся человеком на основе его собственного опыта, а структуры, извлекаемые в технике к ре-

альности, принадлежат «космосу», не человеку. В этом свете наиболее интересной темой, проблематизирующей человеческие состояния и их продолжение в ближайшем будущем новой природы, является моделирование техникой процедур рецептивной и проективной рефлексии и те реальные нарушения в структуре естественного самосознания, которые такое моделирование вызовет. Именно в области техносферы человек третьей природы пока находится в допроблемной ситуации с точки зрения понимания и выражения, ему пока просто нечего вообразить.

Литература

Первоисточники

1. Азимов А. Основание. Тула, 1992.
2. Виндж В. Пламя над бездной. СПб., 2014.
3. Дик Ф. Убик. СПб., 2001.
4. Гибсон У. Нейромант. СПб., 2016.
5. Гибсон У. Периферийные устройства. СПб., 2015.
6. Желязны Р. Князь света. М., 2014.
7. Лем С. Солярис. Эдем. Непобедимый. М., 2003.
8. Морган Р. Видоизменённый углерод. М., 2005.
9. Симмонс Д. Гиперион. М., 2016.

10. Стросс Ч. Небо сингулярности. М., 2007.
11. Уоттс П. Ложная слепота. М., 2016.
12. Уоттс П. Эхопраксия. М., 2016.
13. Хайнлайн Р.А. Собрание сочинений. СПб., 1993.
14. Эшер Н. Скиннер. М., СПб., 2005.

Аналитические работы

15. Виндж В. Технологическая сингулярность. – Компьютерра. – 1.09.2004.
16. Глобальное будущее 2045. Конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистическая эволюция. М., 2013.
17. Каку М. Физика невозможного. М., 2014.
18. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров / Семиосфера. СПб., 2010.
19. Нестеров А.Ю. Вопрос о сущности техники в рамках семиотического подхода // Вестник СГАУ. – Т. 14, № 1, 2015. С.235-246.
20. Першин Ю.Ю. Архаическое сознание: сущность и принципы. – Диссертация на соискание учёной степени доктора философских наук по специальности 09.00.13. Омск, 2014.
21. Сёркин, В. Шаманский лес. Магадан, 2007.
22. Dessauer F. Streit um die Technik. Freiburg in Breslau, 1959.

23. Kurzweil R. The singularity is near. New York, 2006.
24. Plumpe G. Ästhetische Kommunikation der Moderne. Bd.2. Von Nietzsche bis zur Gegenwart. Opladen, 1993.

Авторские интернет-сайты

25. <http://www.falsehood.me/>